

Эволюционная когнитивистика как ресурс для объяснения этнических явлений «после когнитивного поворота»

Евгений Александрович Варшавер — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. **ORCID ID:** 0000-0002-5901-8470. **Электронная почта:** varshavere@gmail.com.

Аннотация: В статье описывается актуальное положение дел в области исследований, которую можно обозначить как «эволюционная когнитивистика». Работая на стыке когнитивных наук, современной эволюционной теории и возрастной психологии, исследователи из этой области долгое время пытались выявить универсальные когнитивные смещения, «ответственные» за производство этнических феноменов. В наиболее актуальной версии, однако, такого рода универсалией является прежде всего дифференцирующая способность человека ориентироваться в сложных социальных отношениях по косвенным признакам, конкретные же признаки и реакции на них являются производными от социализации. Эти выводы помещаются в контекст современных конструктивистских подходов к исследованию этничности, в рамках которых происходит т. н. «когнитивный поворот», где этничность рассматривается в первую очередь как классификационное явление, и показывается, каким образом инкорпорация результатов из области эволюционной когнитивистики может способствовать объяснению феномена этничности в целом.

Ключевые слова: этничность, когнитивистика, эволюционная теория, примордиализм, конструктивизм, когнитивный поворот

Для цитирования: Варшавер, Е. А. Эволюционная когнитивистика как ресурс для объяснения этнических явлений «после когнитивного поворота» // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 9–41.

Введение

Происходящий сейчас когнитивный поворот в конструктивистских исследованиях этничности [Brubaker, Loveman, Stamatov, 2004] заставляет иначе посмотреть на объект этих исследований. Если до него в их фокусе были по-разному определяемые этнические группы и их культура, сейчас фокус этот перемещается на производимые людьми и институтами категоризации и то, как эти категоризации структурируют социальную жизнь. В этой связи среди приоритетных объектов исследования неизбежно оказывается сам процесс категоризации, а это — важнейший объект и тема когнитивных наук [Harnad, 2017]. Общий смысл когнитивного поворота в социальных науках состоит в том, чтобы, обратившись к подходам, используемым в когнитивных науках, а также результатам, полученным в их рамках, использовать полученные ресурсы для решения проблем, ставящихся «изнутри» общественных наук. Когнитивные науки, однако, имеют свою логику и являются базово междисциплинарными [Derry, Gernsbacher, Schunn, 2014; Sobel, Li, 2013]. Своего рода «мемом» стало изображение шестиугольника, каждый угол которого — это область научного знания, откуда когнитивистика черпает ресурсы: психология, компьютерные науки, нейронауки, антропология, лингвистика и философия [Miller, 2003]. В этой связи когнитивные науки не только не избегают того, что в социальных науках называется «биологизмом», а, напротив, объяснения, использующие одновременно ресурсы, говоря неокантианским языком, «наук о духе» и «наук о природе», являются приоритетными.

В социальных науках дело обстоит иначе. Оценив социальные последствия биологических редукционизмов начала XX века, социальные учёные предпочли исключить любые биологизмы из моделей объяснения, тем более что именно в современной биологии черпают легитимации различные «культурные расизмы». Роджерс Брубейкер в своей недавней статье [Brubaker, 2018] показал, как для этого используются достижения современной геномики. Вместе с тем, исследование процесса категоризации как основы этнических явлений в той мере, в какой когнитивистика утверждает, что категоризация частью осуществляется на основании категорий [Frith, 2013; Foley, 2005], производимых в обществе, частью на основании врожденных схем, требует внимания к такого рода «предзаданностям». Действительно ли они существуют? Как они сложились (здесь неизбежно обращение к эволюционным моделям объяснения)? Каково соотношение между этими «предзаданностями» и социальными конструктами? Такая постановка вопроса неизбежно вызовет автоматические сомнения части сообщества, которое, вполне возможно, поспешит объявить такие исследования «примордиалистскими» и исключить из легитимного поля.

В этой связи в первой части статьи будет предложена, как представляется, наиболее корректная разметка поля исследований этничности, где будут различены отжившие своё, «вредные» примордиалистские подходы и примордиализмы, напротив, укорененные в современной науке и дающие ресурсы для более полного объяснения социальных явлений¹. Также будет показано, что конструктивизм как парадигма не противоречит здоровым формам примордиализма, но находится с ними в теоретической противофазе, чем и объясняется его нелегитимность среди конструктивистов.

Вторая, более объёмная часть статьи, будет посвящена направлению исследований, которые можно обозначить как эволюционная когнитивистика. Это направление пытается ответить на вопрос о повсеместности этнического категоризирования за счёт выявления эволюционно сложившихся приоритетных способов разметки и когнитивной обработки социального окружения. Общий посыл этих теорий состоит в том, что биологическая основа этнических явлений — это эволюционно развившаяся способность человека эффективно классифицировать других людей, однако эти теории отличаются в том, что касается механизмов появления такой приспособляемости, «триггеров» внешней среды, которые вызывают те или иные когнитивные реакции, характеристик этих реакций, роли социальных факторов в складывании этих механизмов и многого другого. Важно, что, по всей видимости, в настоящее время, хотя некоторые из этих теорий выглядят более обоснованными теоретически и эмпирически, нежели другие, говорить о том, что мы знаем ответы на стоящие в этой области исследований вопросы, преждевременно. Притом что исследовательские дизайны, необходимые для продвижения в области, неизбежно являются сложными и междисциплинарными [Wertz, Moya, 2019], эта область исследований обладает большим потенциалом.

В результате, с учётом того, что эти работы, как показал поиск по цитированиям, почти не известны российским исследователям, задачей минимум этой статьи является представить это направление для отечественного читателя. Задачей же максимум — две. Во-первых, на основании представленного материала, с учётом дисциплинарных ограничений автора, социолога по образованию и области исследований, и существующей критики описываемых теорий, — обобщить актуальные представления о когнитивных механизмах, связанных с производством этничности. Во-вторых же, рассмотреть эти теории через призму когнитивного поворота и, оттолкнувшись

¹ Притом что, как будет сказано ниже, первичный импульс для создания этой разметки был получен в ходе чтения работы «Объясняя этничность» Г. Хейла [Hale, 2004], похожий ход мысли последнее время встречается как в зарубежном [Torres, 2019], так и в российском [Паин, 2023; Тишков, 2023] поле исследований этничности.

от этих теорий, как если бы они в своей актуальной версии были бы верны, предложить «апгрейд» общего понимания этнических явлений на стыке эволюционной когнитивистики и конструктивистской социологии. Следует отметить, что материал, который описывается в статье, сложный, её автору очевидно, что каждая из теорий могла бы быть понята и изложена лучше, равно как и для работы с этим материалом требуется междисциплинарная команда. Таким образом, эта статья является своего рода «затравкой», с помощью которой эта команда может быть собрана, а её несовершенства — «триггером», который может стимулировать обсуждение для создания полноценного междисциплинарного объяснения этнических явлений.

Примордиализм «курильщика»

vs. примордиализм «здорового человека»²

Разметка области исследований этничности, в которой фигурируют такие слова как «примордиализм», «эссенциализм», «конструктивизм» и «инструментализм» [Омелаенко, 2015; Кудрин, 2000], как представляется, не оптимальна по трём причинам. Во-первых, фактически такой устоявшейся разметки нет, и, если спросить у действующих учёных, что они понимают под каждым из этих терминов, выяснится, что до консенсуса далеко. Во-вторых, есть тенденция к карикатуризации этих терминов, поскольку сначала «конструктивисты» в рамках собственного становления изобрели «примордиализм» и «эссенциализм», затем появившиеся в рамках этого процесса «примордиалисты» и «эссенциалисты», в некотором смысле «нанесли ответный удар» [Варшавер, 2022]; надо ли говорить, что, поскольку по сути речь идёт о вялотекущей войне в том числе и с политическим подтекстом и контекстом (примордиализм нередко ассоциируется с консервативными повестками дня в политике, конструктивизм же, наоборот, связывается с различного рода прогрессивными силами), аргументация противоположной стороны редуцируется до тезисов, под которыми кто-либо из её представителей вряд ли бы подписался. В-третьих, есть тенденция к уравниванию этих условных подходов в рамках очень наивной философии науки, в которой борются между собой научные школы и теории, притом что фактически (об этом

² В этом названии было решено обратиться к популярным в интернете мемам, отсылающим к социальной рекламе, в которой демонстрируются и противопоставляются «лёгкие курильщика» и «лёгкие здорового человека».

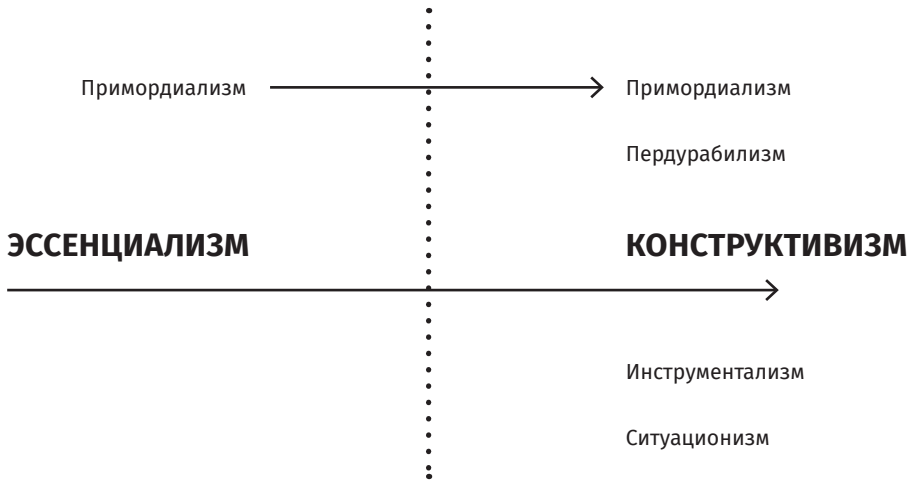

Рис. 1. Разметка поля исследований этничности

позже) речь идёт о парадигмальном сдвиге в общественных науках в целом, в контексте которого неизбежно оказываются и исследования этничности.

Отдельно можно говорить о происхождении терминов и том, как они использовались и используются разными авторами, однако задача, решаемая в рамках этого фрагмента статьи, носит более ограниченный характер: предложить более осмысленную разметку поля, чтобы локализовать в её рамках эволюционно-когнитивный подход, которому посвящена статья. Эта разметка, впрочем, неизбежно должна оказаться вторичной по отношению к процессам, идущим в осмыслении феномена этничности, в связи с чем конкретные слова важны менее, чем общее понимание этих процессов и вопросов, которые встают перед областью.

Вкратце эта разметка резюмирована в схеме³ (см. рис. 1). Идёт смена парадигмы. От наивных представлений об этничности, корнями уходящих в донаучные, вернакулярные концепции, бытовавшие в сообществах путешественников и ранних антропологов, исследования этничности вместе с общественными науками в целом переходят к конструктивизму как общей, всеобъемлющей парадигме. Нельзя говорить о полной её победе во всех исследовательских областях (и ис-

³ Различением между примордиализмом и инструментализмом как основными рамками современной науки об этничности автор обязан работе Хэйла, в этом же виде схема была разработана в ходе учебного курса «Этничность: современные подходы», который автор прочел в 2023 году на факультете социологии НИУ ВШЭ.

следования этничности — это хорошая иллюстрация того, насколько не в один момент происходит смена парадигмы), более того, существуют и другие влиятельные парадигмы (например, позитивизм), однако именно конструктивизм является пространством кристаллизации «точки Б», куда из «точки А» идут исследования этничности.

Если коротко, конструктивизм — это представление, согласно которому социальные явления — это своего рода коллективные верования и, в некотором смысле, фантомы, которые возникают и существуют в ходе и за счёт по-разному устроенной коммуникации между людьми. Их межпоколенная устойчивость — это функция от социализации в эти верования новых членов, которые интериоризируют социальную реальность «взрослых», из этих верований и состоящую⁴. Динамика этих верований связывается с разнообразием вещей: с тем, что верования различаются и в какой-то момент начинают конкурировать с тем, что они не проходят «принцип реальности», с тем, что некоторые из них могут оказаться неудобны их носителям. Именно это (даже без последнего тезиса про изменения, который скорее является «апокрифом») — основа конструктивистской парадигмы.

Конструктивизм стал контекстом и направлением движения исследований этничности. В его рамках, в соответствии с описанными выше основаниями, объектом изучения становятся различные общественные представления, связанные с делением людей на типы и группы, с характеристиками этих типов, с природой этнических различий как таковых, и со многим другим подобным. Это «точка Б», где-то и для кого-то уже самоочевидная, где-то — ещё практически непредставимая. Какие представления характеризуют условную «точку А»? В их описании важно не скатиться в карикатуризацию, однако это практически неизбежно, потому что неотрефлексированные, преднаучные представления описывать сложно. Тем не менее, можно выделить несколько основных таких представлений.

Во-первых, это «группизм»⁵. Группизм — это представление о том, что в основании и социальной жизни, и её этнологического анализа лежат по-разному называемые этнические группы (нации, расы, этносы, племена, собственно этнические группы). Пожалуй, именно «группизм», а также идущие в связке с ним когнитивные искажения (о том, с чем они связаны, нужно говорить отдельно), хронически вменяющие представителям «группы» большие сходства и координацию, чем есть на самом деле, является основой «эссенциализма».

⁴ Пожалуй, важнейшей работой, в которой проясняются механизмы такого конструирования, является книга П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» [Бергер, Лукман, 1995].

⁵ Этим термином мы обязаны Р. Брубейкеру и его классической работе «Этничность без групп» [Брубейкер, 2012].

Во-вторых, это представление о том, что этническая принадлежность «в крови» и наследуется биологически. В-третьих, это представление о том, что корни современных «этнических групп» уходят в древность. Каждое из этих представлений имеет свою судьбу и природу и не рядоположено другому, в частности, «группизм» — это и вернакулярная онтология (которая, согласно некоторым теориям, описанным ниже, свойственна человеку как виду), и научный язык, на котором могут говорить и конструктивисты за неимением другого и для краткости; биологический субстрат этничности — это теория, казалось бы умершая, с расистскими подходами первой половины XX века, но реанимированная современным «генетическим биологизмом»; идея же древних корней является основой как очень «группистской» и местами метафизической советской теории этноса [Бромлей, 1983], так и вполне осмысленного конструктивистского историзма в варианте Э. Смита [Smith, 1986]. Таким образом, говорить о конкретном, чётко определимом «эссенциализме» нельзя, тем не менее где-то в пространстве таких верований и находится «точка А».

Далее, в рамках уже конструктивистской парадигмы, ставится два больших вопроса. Первый является тем вопросом, который когда-то позволил парадигме устояться и оказаться убедительной. Он связан с по-разному понимаемой изменчивостью этнических явлений. Это и возможность изменения этнической идентификации, и изменчивость «культуры» «этнических групп», и контекстуальность и «множественность» этнической принадлежности (здесь намеренно используются разные языки описания для демонстрации пестроты и конструктивизма тоже). Второй вопрос возникает как бы «в противофазе» исследований конструктивизма, которые первое время ассоциируются почти исключительно с изучением разного типа изменений. Он, напротив, связан с устойчивостью. Есть две вариации этого вопроса. Первая касается устойчивости идентичностей и идей, которые составляют, говоря языком Смита, мифосимволические комплексы, связанные с теми или иными этническими категориями. Вторая касается воспроизводимости от контекста к контексту этнических явлений как таковых, притом что и используемые категории, и смыслы этих категорий различаются. Сюда же можно отнести и повторяемость смыслов, связанных с этническими категориями, в различных контекстах и в связи с разными этническими категориями⁶.

⁶ Так, в рамках экспедиции в Нижегородскую область, Марий-Эл и Татарстан вопрос ставился именно таким образом, и было показано, что существуют воспроизводящиеся дискурсы о том, что «на самом деле» представители категории, к которой принадлежат информанты, «являются голубоглазыми блондинами», а также о том, что в сообществах, помещённых в фокус исследования, «национальная культура утеряна», притом что есть места, где она сохраняется, например «леса [титульной национальной республики]».

И если первый блок вопросов исследуется теми, кого можно назвать инструменталистами или ситуационистами, второй оказывается в фокусе конструктивистских пердурабилитов (*durable* — длящийся) или, проще и в некотором смысле провокативнее говоря, примордиалистов. В результате, используя язык популярных мемов, можно выделить два типа примордиализма: примордиализм «здорового человека», то есть конструктивистский, и примордиализм «курильщика», то есть эссенциалистский. Примордиалист «здорового человека» — это Энтони Смит, который изучает то, как категория «еврей» используется на протяжении последних трёх тысяч лет, хотя фактические «евреи» и их «культура» меняются, или Пьер ван ден Берге, который задаётся вопросом об эволюционных корнях ин-группового фаворитизма (притом что сама его теория не выдерживает критики с точки зрения современного эволюционизма) [Van den Berghe, 1987]. А примордиалист «курильщика» — это Юлиан Бромлей, который обнаруживает корни «этносов» в неолите и считает, что современные нации как «межпоколенные общности» существуют с тех пор. В связи с этим «примордиализм» размещён на схеме как в эссенциалистской её части, так и в конструктивистской. При этом инструментализм и ситуационизм эссенциалистскими быть не могут, они плоть от плоти — конструктивистская парадигма. Однако это не значит, что не может быть инструментализма или ситуационизма «курильщика». Последний, если представить его в несколько карикатуризированной форме, исходит из того, что идентификация является результатом свободного волеизъявления людей. Вряд ли можно встретить учёных, которые в полной мере так считают, но такое представление имплицитно заложено в постановку вопроса многих исследований, например, тех, где речь идёт о «выборе идентичности» в сложных ситуациях и проч. [Goodenow, Espin, 1993; Намруева, 2022].

Фактически же этничность и устойчива (в обоих смыслах), и меняется, и оба типа вопросов, как примордиалистский, так и инструменталистский (но в конструктивистской парадигме и интерпретации) имеют право существовать, более того, ответ на них необходим для создания всеобъемлющего описания этого явления. И эволюционную когнитивистику, исследовательское направление, которому будет посвящена следующая часть статьи, по типу решаемой проблемы можно классифицировать как «примордиализм», однако в той мере, в какой она базируется на современных эволюционных подходах и постепенно инкорпорирует конструктивистские онтологии и языки, этот примордиализм является примордиализмом «здорового человека» и, как нередко утверждается, легко инкорпорируется в современную конструктивистскую парадигму. Далее традиция исследований в области эволюционной когнитивистики этничности будет реконструирована, а актуальные представления, базирующиеся на результатах этих исследований, будут эксплицированы.

Лоренс Хиршфелд и эссенциализация расовых стимулов

Исследователем, работы которого считаются пионерскими для области исследований эволюционной когнитивистики этничности, является психолог-девелопменталист и когнитивист Лоренс Хиршфелд. В нескольких статьях [Hirschfeld, 1995, 2003] и книге [Hirschfeld, 1996] он разрабатывает подход, согласно которому существует некоторое, небольшое количество общих схем, из которых затем производятся частные схемы для интерпретации конкретных элементов и сфер окружающего мира, и одной из важных схем такого рода является эссенциализм. Суть эссенциализма состоит в том, что человек делит объекты внешнего мира на категории, каждой из которых приписывается внутренняя сущность, не определяемая автоматически по внешним признакам, но с ними коррелирующая, и на основании этой сущности делаются каузальные выводы, они же прогнозы относительно поведения. Согласно Хиршфелду (вопреки тому, что ему иногда приписывают), именно такой механизм лежит в основании детского (а затем и взрослого) способа когнитивной интерпретации расовых категорий. Притом что расы не дискретны, а разные признаки распределены по людям континуально, не образуя кластеров, люди, на основании эссенциального механизма, относятся к расам как к дискретным группам, принадлежность к которым является объясняющей поведение.

Во многом этот процесс аналогичен тому, как мозг перерабатывает информацию о видах животных с той лишь разницей, что животные — это «естественные виды», действительно кластеризующиеся по признакам, не происходящим из классификаторных усилий человека. Хиршфелд, впрочем, спорит с версиями своих предшественников [Rothbart, Taylor, 1992], согласно которым происходит перенос (transfer) схем, которые используются для интерпретации животного мира, на мир людей. Согласно Хиршфелду, и мир животных и мир людей интерпретируется на основании общей эссенциалистской схемы. При этом фактическое её наполнение (какие признаки являются устойчивыми на протяжении жизни, а какие нет, какие признаки наследуются биологически, а какие культурно), по логике Хиршфелда (хотя напрямую он об этом не пишет) берутся из социальной среды. Более того, они имеют как вербальную основу (так «выучиваются» категории), так и визуальную (так с категориями связываются некоторые маркеры внешности). У Хиршфелда была обширная экспериментальная программа, на основании которой он создавал свою теорию. В рамках одного из элементов этой программы, он ставил вопрос о том, как устроены представления детей дошкольного возраста о расах, насколько эти представления являются набором поверхностных инференций относительно внешности или же они — полноценная теория, «народная социология». Для этого он использовал экс-

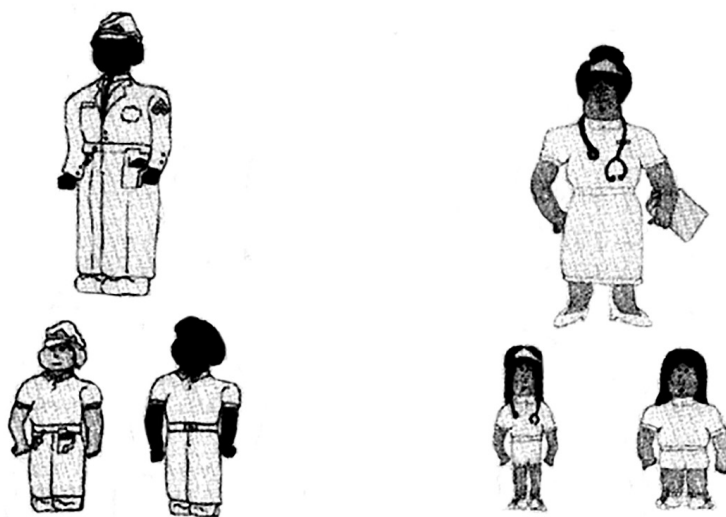

Рис. 2. Вариант стимулов, которые использовал Л. Хиршфельд в экспериментах [Hirschfeld, 1995]

периментальные дизайны следующего характера. Дошкольникам в возрасте 3, 4 и 5 лет демонстрировались картинки, на которых был изображен взрослый человек, а затем демонстрировалась картинка с двумя детьми и задавалось два вопроса: кто из детей ребенок взрослого и кто из детей — взрослый в своем детском прошлом (см. рис. 2).

Как взрослый, так и дети при прочих равных характеризовались различиями по трем признакам: расовые (здесь Хиршфельд объединил цвет кожи, форму губ и характеристики волос и подробно пояснил, почему именно эти характеристики он называет расовыми), связанные с телосложением (полный/худой) и профессиональные (которые выражались в одежде, указывающей на профессию, например, полицейский или врач). Результаты этого эксперимента показали, что именно раса (но наряду с профессией) является, во-первых, устойчивой на протяжении жизни характеристикой (ответы на вопрос о взрослом в детстве), во-вторых, характеристикой наследуемой (ответ на вопрос о ребенке взрослого). Но может быть дети декодируют не расу, а просто цвет (частным случаем которого является цвет кожи) так считывается? Чтобы исключить эту гипотезу, Хиршфельд провел ещё один эксперимент, где по похожему сценарию показывал детям того же возраста сначала людей с тем же набором характеристик, что и в первом эксперименте, а затем собак и автомобили, одни «похожие» на людей (например, машина того же цвета, что и цвет кожи человека), другие — отличающиеся (человек — худой, машина — уве-

личенная по ширине). В этом эксперименте цветовые стимулы не выделялись детьми чаще, из чего Хиршфелд сделал вывод о том, что именно раса, а не цвет как таковой, является представлением, на основании которого дети интерпретируют картинки.

В последних двух экспериментах, вошедших в цикл, он применил визуальный вариант задания «Подмена при рождении» (Switch at birth task, SaBT), где сначала показал родителей (или сказал, что они или белые, или чёрные, чётко этот момент не описан), а потом детей, сказав, что затем их перепутали в роддоме, — белый ребенок оказался в чёрной семье, а чёрный — в белой, а дальше показал изображения подростков (в разных вариантах, тоже в чёрном или белом) и спросил, кто из подростков является белым (а затем и чёрным) ребенком, подменённым в младенчестве⁷. Согласно результатам этого эксперимента, лишь меньшинство детей считает, что от того, что «приемные родители любили ребенка, обнимали и целовали его, когда ему было грустно, покупали ему еду» и проч., он мог сменить расу, которая связывалась с визуальными стимулами. Нужно, впрочем, отметить, что у трёхлеток, в отличие от пятилеток, гораздо больше испытуемых «выступало» за «конструктивистский», социализационный аргумент и выбирало вариант, в котором ребенок сменил расу⁸.

В сухом остатке на основании этих экспериментов, Хиршфелд пришёл к выводу, что дети обладают полноценной концепцией относительно рас, согласно которой расы — это определенные характеристики внешности, устойчивые на протяжении жизни и передающиеся посредством рождения. Этот эксперимент, наряду с другими, стал основанием для теории, описанной выше. Рецепции Хиршфелда, однако, существенным образом вульгаризировали его теорию, а критика (небезосновательно, впрочем) указывала на разрыв между его теорией и экспериментальными планами. Представляется, однако, что теория Хиршфелда в исходном её варианте достаточно осторожна, как минимум, явно осторожнее её интерпретаций. Она, кроме того, не является эксплицитно эволюционной, то есть он не обсуждает то, как и «в каком мире предков» и за счёт каких адаптаций к чему сложились соответствующие способы восприятия реальности. Этим занимаются его последователи.

⁷ До того он ещё проверил, насколько дети фактически связывают расу ребенка с рождением и спросил, кто из детей (чёрный/белый) родился у чёрной (а затем белой) пары. На этот вопрос ответ был положительным (да, дети связывают рождение и расу).

⁸ Это важный результат, «просмотренный» Хиршфелдом, однако «заигравший» в рамках последующих работ, в которых важность фактора среды увеличивается.

Франсиско Гил-Уайт и этнические группы как виды животных для человеческого мозга

Американец Франсиско Гил-Уайт, который делал исследования в рамках написания диссертации *Cognitive Science of Ethnicity* под руководством эволюционного антрополога Роберта Бойда в университете Калифорнии, в программной статье «Являются ли этнические группы естественными типами для человеческого мозга» [Gil-White, 2001]⁹ предложил оригинальную эволюционную теорию, призванную объяснить в широком смысле этничность, в узком смысле — специфику этнических групп или категорий среди прочих социальных групп и категорий.

Эта статья написана в достаточно нестандартном ключе, поэтому в чётком виде проследить аргументацию автора затруднительно, однако в целом аргумент Гил-Уайта следующий. Человеческая когнитивная конституция, сложившаяся эволюционно, заставляет мозг человека воспринимать этнические группы с помощью когнитивных модулей, также используемых для переработки информации, связанной с видами животных, и происходит это в связи с тем, что этнические группы обладают некоторыми свойствами видов животных — эндогамией и членством, основанном на наследовании. Этот аргумент раскрывается и доказывается с привлечением разнообразия ресурсов из философии, возрастной психологии и когнитивистики, а в части эмпирики автор полагается на свои антропологические исследования в западной Монголии, где, в небольшом райцентре и вокруг него он исследовал представления об этничности людей, классифицируемым как монголы и казахи (а также как представители более узких категорий).

В теоретической части основной упор автор сделал на идею эссенциализации, которую, равно как и идею про когнитивные модули, сложившиеся для определения животных и взаимодействия с ними, он заимствует у Хиршфелда и его предшественников. Смысл эссенциализации состоит в том, что некоторые явления мозг склонен рассматривать как типы, и даже если конкретные представители одного типа различаются внешне, они, с точки зрения мозга, имеют общую внутреннюю сущность (ту самую эссенцию).

Это связано с когнитивной экономией — на основании этого представления когнитивно «дешевле» делать выводы о свойствах, предсказывать поведение и проч. И в этом смысле различаются «аналитические типы» (*human kinds*), которые появились в результате

⁹ Некоторые другие его работы: *The Cognition of Ethnicity: Native Category Systems Under the Field Experimental Microscope* [Gil-White, 2002], *How Thick is blood? The Plot Thickens...: If Ethnic Actors are Primordialists, What Remains of the Circumstantialist/Primordialist Controversy?* [Gil-White, 1999].

классификаций, осуществленных людьми, и «естественные типы» (natural kinds), которые существуют помимо классификаторных усилий человека. Так, «рабочий класс» (аналитический тип) отличается от зверей или видов металлов (естественный тип). Особенность естественных типов в восприятии состоит в том, что представителям каждого из них вменяется общая природа, и исходя из этого (если говорить, скажем, о животных) предсказывается поведение.

Как так получилось, что люди стали воспринимать этнические группы таким образом? Здесь автор эксплицирует своё представление о «мире предков» (важный, однако, как представляется, плохо проработанный конструкт в эволюционных исследованиях), а также вводит новую переменную — нормативность. В «древности» люди жили небольшими группами, каждая из которых имела тенденцию к нормативной унификации. Это вновь было связано с когнитивной экономией: издержки коммуникации ниже, если люди разделяют «одну на всех» нормативную систему. К нарушителям применяются санкции и следствием этого является то, что группы начинают быть сходными нормативно внутри и различными между собой. Далее несознательная когнитивная экономия заставляет относиться к чужакам как к нарушителям среди своих и не любить их (так объясняется нелюбовь к чужакам). Параллельно в их отношении «включалось» категориальное мышление (группа = категория = сходство внутри и отличие от остальных), и, вкупе с тем, что эти группы были в основном эндогамны, а также воспроизводились за счёт включения в них новорожденных — для мозга они и стали напоминать виды животных, и через эту призму и воспринимались. И этнические категории отличаются от прочих социальных категорий, которые так не воспринимаются.

Но что именно Гил-Уайт делал в поле и как эмпирически обосновывал свои выводы? С информантами кочевниками и полукочевниками в Монголии он проводил эксперименты, в которых участникам нужно было ответить на вопросы о том, кем является ребенок от брака, в котором родители классифицируются как представители разных этнических категорий, а также где ребенок был усыновлен представителями иной категории, нежели та, к которой принадлежали его биологические родители (SaBT и его вариации). Если информант — в случае последнего вопроса — придерживался мнения, что этническая принадлежность наследуется биологически, он классифицировался как «эссенциалист», если он считал, что она приобретается в ходе социализации в семье, он классифицировался как «конструктивист» или «ситуационист».

Участники эксперимента Гил-Уайта были в основном «эссенциалистами», те же, кто был «ситуационистом» или «конструктивистом», на проверку тоже оказывались «эссенциалистами». Здесь Гил-Уайт разделил, условно говоря, спонтанный взгляд и риторiku, и, притом что риторика может быть разной, спонтанный, «естествен-

ный» взгляд будет «эссенциалистским». В качестве аргумента приводится разговор с его полевым помощником «из местных», в котором обсуждалось, может ли ребенок, которого усыновили представители категории, про которую известно, что они колдуны, колдовать. Нет, не может. А может ли ребенок, который родился у колдунов, но усыновленный неколдунами, колдовать? Может, но не будет, потому что не знает о таком своем свойстве. И здесь, пишет Гил-Уайт, колдовство оказывается следствием той внутренней сущности, которая характеризует представителей категории от рождения.

Затем те же вопросы он протестировал для клановых категорий, однако выяснилось, что в их отношении эссенциализации не происходит. Он это объяснил тем, что между представителями этих категорий нет нормативного зазора, а именно он, в том числе, и запускает такой тип мышления. Затем этот ход мысли и результаты были экстраполированы на современную реальность и, применительно к США, он говорит о том, что чем больше «этнии» удовлетворяют условиям различной нормативности, эндогамии и членства через рождение, тем с большей вероятностью они будут считываться мозгом на основании модуля, который сложился для считывания видов животных. И современные расы считываются, таким образом, не из-за различий во внешности *per se*, а прежде всего потому, что различия во внешности являются, среди прочего, маркером иного типа нормативности.

В целом, если редуцировать аргумент Гил-Уайта, человек использует когнитивные модули и схемы восприятия, которые сложились для взаимодействия с животными, применительно к представителям разных этнических категорий, потому что последние удовлетворяют критериям эндогамии и передачи членства через рождение, и нормативность является и индикатором, и скрытым свойством, которое важно понимать для предсказания поведения, отчего эта когниция и включается.

Аргументация его, впрочем, — довольно запутанная, и его соображения вызвали противоречивую реакцию у сообщества (от полного принятия до «карикатуры на эволюционную психологию»), однако до настоящего момента эта работа считается одной из ключевых в рамках эволюционной теории, примененной к этничности. Нужно также отметить, что Гил-Уайт свои когнитивные исследования не продолжил, — начав расследовать военные преступления США на Балканах, он оказался в эпицентре скандала, в результате которого его уволили из университета Пеннсилвании, где он тогда работал, после чего он оказался в университете Мехико, а сейчас он публикуется в качестве «независимого исследователя» и ведёт блог под названием «Управление реальностью», который посвящен «разрушению западных инстинктов и поиску путей возвращения к западному здравому смыслу»¹⁰.

¹⁰ Management of Reality. [Online] <https://franciscogilwhite.substack.com/> [Accessed] 09.01.2024.

Леда Космидес, Джон Туби и когниция альянсов

Примерно в тот же период, но также до и после, появляется серия публикаций [Cosmides, Tooby, Kurzban, 2003; Kurzban, Tooby, Cosmides, 2001; Pietraszewski, Cosmides, Tooby, 2014], в которой супружеская пара, являющаяся одновременно междисциплинарной командой, состоящей из психолога Леды Космидес и антрополога Джона Туби, а также их разнообразных и разнородных (что важно для разработки аргумента и доказательной базы в обсуждаемой области) соавторов, предлагает свою оригинальную концепцию, лежащую на стыке эволюционной теории и когнитивной психологии, в рамках которой «ответственным» за производство этнической реальности, является не эссенциализм естественных типов, как у Хиршфелда и Гил-Уайта, а эволюционно сложившееся свойство человека выискивать индикаторы принадлежности людей к подвижным и неочевидным группам, которые Космидес и Туби называют альянсами.

Отталкиваясь от литературы, посвященной распознаванию рас, они задались вопросом о когнитивных основах почти автоматического (как следует из большей части литературы) распознавания рас. Такое распознавание не может быть *domain specific*¹¹, то есть сложиться эволюционно под именно такой стимул, поскольку люди большую часть своей истории не встречались с людьми, существенно отличающимися от них внешне, а значит эта декодировка является следствием существования (byproduct) когнитивной машинерии, сложившейся эволюционно в ответ на другие вызовы и под другие потребности.

В качестве обоснования этого тезиса они делают обзор литературы, касающейся биологической природы рас. Согласно текстам, на которые они ссылаются [Marks, Relethford, 1997; Graves, 2003], во-первых, вариации внутри номинальных рас (как бы их ни выделяли) существенно выше, чем между расами, во-вторых, генетическое разнообразие человечества, взятого в общем, ниже, чем генетическое разнообразие локальных групп животных одного вида (например, шимпанзе), и, в целом, если использовать биологические таксономии, расы не могут считаться даже подвидами в рамках одного вида или, корректнее говоря, генетическое разнообразие человечества меньше, чем, в усредненном случае, у подвида животных. Более того, повышенная распространенность тех или иных генов кластеризуется иным образом, нежели предполагают народные классификации по расам и народам.

¹¹Различение *domain general* и *domain specific* широко используется в этой традиции, и речь в его рамках идет о разнице между общими способами восприятия, с одной стороны, и механизмами переработки конкретной информации в конкретных областях жизни, с другой.

Этот обзор нужен авторам для того, чтобы показать, что, вопреки расхожему «народному» мнению, люди объективно не различаются так, чтобы это бросалось в глаза так сильно, как это происходит. А значит, существуют дополнительные, когнитивные факторы, которые обеспечивают заметность различий. Отталкиваясь от этого, авторы формулируют три гипотезы когнитивного характера. Первая состоит в том, что человек автоматически и первоочередно считывает расовые стимулы в связи с тем, что в глаза бросаются цветовые различия. Человек в сравнении с другими животными — визуал, распознает цвет, поэтому такую гипотезу сформулировать можно. Но сразу же, основываясь на разных экспериментах (они используют тонкую доказательную базу и ориентируются на разные типы эмпирических работ), показано, что это не так, но важнее даже то, что неясно, почему разница в цвете между людьми настолько бросается в глаза в сравнении с другими цветовыми стимулами и различиями.

Затем они описывают предложенную Хиршфелдом и Гил-Уайтом гипотезу об «эссенциалистской системе инференции, которая развилась для осознания различий между «естественными „типами“». Эта гипотеза ими не отменяется, однако они предполагают, что за «расовым мышлением» может также стоять что-то другое, и они предлагают третью, основную для них гипотезу, которая состоит в том, что спонтанное внимание к «расовым стимулам» является производным от «комputационной машинерии», которая возникла в ответ на необходимость выявлять человеческие альянсы и коалиции. Согласно этой гипотезе, человек долгое время жил небольшими группами с непостоянным членством, и первоочередной задачей было — на основании многих, меняющихся, признаков, к которым может относиться цвет кожи, фасон одежды или акцент, быстро понимать, является ли человек членом дружественной или враждебной коалиции¹².

Распознавание же рас происходит спонтанно лишь в тех контекстах, в которых именно раса является прокси альянса, а также эффективным предиктором социального поведения (важно, что и вопрос ставился в контексте США и до того проведенные эксперименты по большей части проводились там). Для работы с этой гипотезой авторы обращаются к эксперименту, где в стимульном материале «пересекались» разные факторы и, если эти факторы указывали на то, что человек «другой расы» оказывается нетривиально «социально расположен» (класс, профессия и проч.), испытуемые довольно быстро перестают считывать его «расу».

В целом, авторы уверены в следующем: (1) существует когнитивная машинерия, «ответственная» за спонтанное распознавание рас;

¹² Нужно отметить, что «мир предков» Космидес и Туби отличается от «мира предков»

Гил-Уайта значительно большим разнообразием и социальностью.

(2) эта когнитивная машинерия сложилась не для распознавания рас, а для распознавания частью видов животных, частью — человеческих альянсов. Как соотносятся между собой эти две машинерии, авторы только предполагают. Например, что «этнические группы» — это в большей степени альянсы, а «расовые группы» — это в большей степени «естественные типы». Для того, чтобы понять, как именно это устроено, нужно, как считают авторы, исследовать дальше.

Кристина Мойя и отсутствие единого «когнитивного модуля», ответственного за этничность

В своих последующих работах Хиршфелд, в целом, остается на тех же позициях и работает в той же логике, постепенно выходя на пенсию, Гил-Уайт уходит из Академии, Космидес и Туби отходят от темы и концентрируются на эволюционной психологии морали, а ключевым автором для эволюционных исследований когний, связанных с этничностью, становится молодая (Ph.D. защищена в 2012 году) исследовательница из Калифорнийского университета Кристина Мойя. Она пишет работы в соавторстве с ключевыми фигурами непосредственно из сферы эволюционной когнитивистики этничности (Роберт Бойд, бывший некогда научным руководителем Гил-Уайта), из более широких областей (эволюционный биолог Йозеф Хенрик), а также без соавторов. По всей видимости, именно её работы содержат наиболее актуальные представления о том, в чём состоят «когнитивные предзаданности», связанные с существованием этнических явлений, а также как соотносятся между собой биологические и средовые факторы. Важно также то, что она, с одной стороны, обобщает имеющиеся свидетельства, с другой — фундаментальным образом подходит к созданию собственных исследовательских дизайнов. Всё это заставляет разобрать её работы и ход мысли, в них содержащийся, детальнее всего.

Её работы находятся в контексте современной эволюционной теории, известной как теория коэволюции культуры и генов (culture-gene coevolution, CGC). В рамках этой теории показывается, как генетическая вариабельность человечества меняется в связи с культурными изменениями и, наоборот, культура «подстраивается» под человека в тех или иных его генетических «конструкциях» [Моуа, Henrich, 2016]. В этом теоретическом контексте Мойя создавала и реализовывала конкретные исследовательские дизайны и выходила на более широкие обобщения. В 2016 году в соавторстве с Бойдом она провела компаративное эмпирическое исследование восприятия этничности в США и Перу [Моуа, Boyd, 2016].

Его дизайн исходил из следующей постановки проблемы. Согласно современному эволюционному функционализму, стереотипы относительно социальных категорий (или машинерии, их производящей) должны быть, с одной стороны, достаточно грубыми для того, чтобы удовлетворять критерию «быстро понять, кто перед тобой и начать действовать», но одновременно достаточно точными, чтобы эта генерализация действительно помогла принять верные решения. В связи с этим, например, гипотеза об ин-групповом фаворитизме как функции поддержки высокой самооценки не проходит «фильтр» эволюционного функционализма, потому что вряд ли недооценка представителей окружающих категорий способствует выживанию. Верить в себя, конечно, полезно, но не в ущерб точности оценки расклада сил.

Однако, по всей видимости, с одной стороны, людям свойственно символизировать различия и обозначать их разными маркерами, с другой — человек эволюционно предрасположен эффективно распознавать такого рода маркеры, поскольку соответствующий навык был полезен для выживания. Но идёт ли речь о каких-то конкретных маркерах, или в дело включается «эвристика», в рамках чего мозг приоритезирует примерные типы маркеров, которые удовлетворяют определенным характеристикам? Каким? Какова роль среды в этой приоритезации, то есть, иными словами, в какой степени тенденцию фокусироваться на конкретных маркерах люди имеют с рождения, а в какой — выучивают в процессе социализации? Какой социализации: ранней или поздней? И можно ли говорить о том, что в конечном счёте эволюционно наиболее полезным навыком, «ответственным» за этничность, является умение определять ситуативно важное о других людях на основании ситуативных и очевидно изменчивых признаков?

Для проверки этой и сходных гипотез, авторы фокусируются на маркерах, связанных с одеждой, и создают экспериментальный дизайн, в котором одежда противопоставляется таким маркерам, как эмоции, форма тела и цвет кожи. В рамках эксперимента испытуемым показывают изображения людей, называют некоторую скрытую особенность этого человека (например, любит банановый чай), а затем, показывая одновременно ещё ряд изображений людей, предлагают ответить на вопрос, у кого ещё есть такая скрытая особенность. И если испытуемые в большем, нежели если бы речь шла о случайности, числе случаев выбирают изображение человека с такой же характеристикой, как и на первом изображении, делается вывод, что именно эта характеристика указывает на то, по какому принципу происходит группировка.

А если существуют различия между детьми и взрослыми, и, допустим, фактор одежды является группирующим в случае детей, а в старших возрастах его группирующая «мощь» снижается, можно предположить, что некоторые механизмы, приводимые в действие маркерами одежды, являются врожденными, а затем «тушатся» соци-

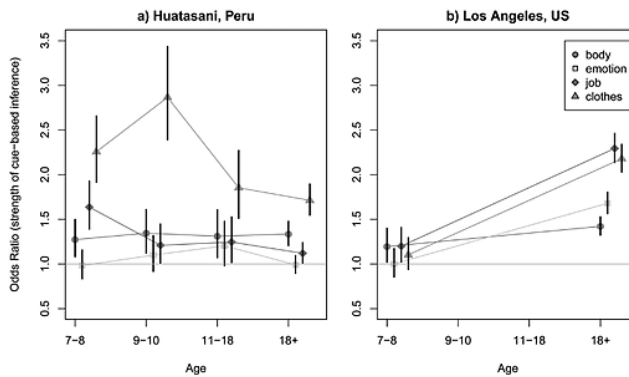

Рис. 3. Результаты эксперимента Кристины Мойя и Роберта Бойда [Moya, Boyd, 2016]

ализацией, которая, в данном контексте, для группировки предлагает иные признаки или типы признаков.

Авторы, кроме того, детально описывают контекст экспериментов и конструкцию этничности¹³ в Лос-Анджелесе (локация исследования в США) и в Альтиплано (локация исследования в Перу) и разбирают, какие признаки фактически являются группирующими, какие вообще существуют представления об этничности (народный эссенциализм или конструктивизм), а также какие существуют прочие социальные группировки, и как они пересекаются с этническими (здесь они используют определение этничности К. Чандры [Chandra, 2012]). Затем авторы переходят к описанию результатов экспериментов (см. рис. 3).

Результаты — не самые чёткие, однако видно, что, во-первых, эмоции (одна из четырёх переменных) для детей никогда не является группирующей, однако для взрослых в США это так, и это единственная подвыборка, для которой она является группирующей. А вот с одеждой, которой посвящена статья, всё сложнее. В Перу для детей она является главным маркером, для более старших детей важность одежды ещё увеличивается, но затем, по достижении совершеннолетия, снижается. В США же невысокая значимость одежды как маркера для детей «компенсируется» почти самой высокой значимостью его для взрослых.

¹³ Это делается в рамках критики современных психологических исследований, согласно которой психология является не психологией человека, а психологией второкурсника американского колледжа, ведь именно студенты в большинстве случаев и являются участниками экспериментов, результаты которых публикуются. Эта идея наиболее полно представлена в недавно вышедшей по-русски книге соавтора Мойи Хенрика «Самые странные в мире» [Хенрик, 2023].

Для интерпретации этих результатов авторы прибегают к аргументу «от среды»: в Перу одежда — это признак, связанный с образом жизни (сельский/городской), который может «включать» у детей когницию иерархий. Действие этой связки стимула и реакции усиливается в связи с тем, что учителя перуанских детей ходят в «городской» одежде (поэтому на более старших детях этот маркер работает сильнее). Но затем люди сталкиваются с разнообразными социальными контекстами и им становится понятно, что этот фактор не является определяющим.

Основной вывод состоит в том, что, с одной стороны, люди имеют когнитивное смещение, в рамках которого поверхностная информация, потенциально несущая символическую нагрузку, «с готовностью» становится основанием для группировки, то есть, в данном случае, представления о сходстве. И это смещение, по мнению авторов, является частью человеческого «когнитивного дизайна». С другой, то, что одежда (пример такого рода стимула) в разных контекстах оказывается группирующей в разной степени (хотя везде как минимум в некоторой степени) и при переходе от детского к взрослому возрасту, говорит о том, что люди умеют (и это тоже часть врожденных характеристик человека) эффективно выучивать, какие индикаторы являются определяющими для социальной группировки, беря эти индикаторы из среды. И эти выводы, по мнению авторов, соответствуют теоретическим основам функционалистской эволюционной когнитивистики, которая говорит о том, что без заложенной в человека адаптивности в том числе и в смысле связывания определенных внешних стимулов и определенных заложенных способов восприятия, человек бы не выжил.

Наиболее полный и актуальный теоретический синтез представлен в статье Мойя 2023 года за единственным авторством, которая называется «Что значит, что люди групписты»? [Мойя, 2023]. Проблема перевода ключевого термина из названия (*groupish*) на русский язык указывает в том числе и проблему, от которой отталкивалась автор. И действительно, когда — довольно размыто — говорят о том, что человек *groupish*, что имеется в виду?

Основной тезис Мойя состоит в том, что группирующие установки и поведение человека различаются по типам, что за разные типы «ответственны» разные когнитивные механизмы, развившиеся эволюционно под некоторые «задачи», а также что эти установки и поведение, по тем же эволюционным причинам, в разной степени экстраполируются на разные типы категорий (гендер, класс, профессии, возраст, этническая принадлежность и проч.). Её основной теоретико-методологический аргумент вновь состоит в том, что те или иные адаптации должны быть функциональны, однако параллельно с этим есть множество других функциональных адаптаций к другим явлениям (не связанным с этничностью), которые «смазывают» эффект одни других.

Более того, в этой статье она продолжает разработку аргумента, приведенного выше, согласно которому, говоря обобщенно, социально-культурный ландшафт, эффективно впитывающийся в процессе социализации, оказывается «ответствен» за то, в отношении каких именно категорий и каких стимулов эти адаптации будут «включаться». Иными словами, говорит Мойя, «когнитивная наука о человеческом свойстве группироваться должна стать социальной наукой, которая подходит серьезно к вопросу о культурной эволюции групповых границ, являющихся необходимым прекурсором интернализированных групповых идентичностей».

Её аргументацию, однако, стоит разобрать детально. Начинает она с проблематизации самого вопроса о склонности человека группироваться, говорит, что, если подходить к вопросу эволюционно-функционалистски, есть как минимум несколько задач, под которые групповое сознание могло развиваться — обучение (культуре), координация и кооперация. Обучение культуре необходимо, потому что таким образом передаются адаптации, которые способствуют выживанию, однако важно учиться у «правильных» людей — тех, кто адаптируется к тем же вызовам. К тем же вызовам с высокой вероятностью адаптироваться будут люди, непосредственно окружающие человека, в результате дифференцирование (или категоризация) плюс лучшее отношение к одной из категорий оказывается функциональным и эволюционно полезным.

Координация, в свою очередь, оказывается полезна для более оптимального распределения ресурсов и для снижения коммуникативных издержек разного типа. Известные примеры координации — это езда по правой или левой стороне, калым или приданное и проч. Но вновь возникает вопрос, с кем координироваться. И координация оказывается «группирующей» потому, что вновь осуществляется процедура дифференцирования и дискриминации, но уже для того, чтобы избежать издержек плохой скоординированности (здесь она ссылается на различную литературу про то, что общие нормы являются способом снижения издержек как при координации, так и при дифференциации).

Кооперация, третий тип группирующих установок и поведения, — это такая координация, которая предполагает общее дело и частный вклад в него. И, соответственно, санкции за отсутствие общего вклада. И вновь происходит дифференциация между теми, с кем кооперироваться и, соответственно, в отношении кого применять санкции при нарушении договоренностей¹⁴. Вслед за этим, однако, она задает вопрос о том, какие социальные множества и в каких

¹⁴ Здесь можно вспомнить мысль Гил-Уайта, согласно которой мозг «путает» плохих своих и чужих, потому что и те и другие «ломают» местную нормативность.

обстоятельствах оказываются «объектом» приложения группирующих адаптаций и приходит к выводу, что ответственным за это является «культурный ландшафт», характеризующийся определенным набором «этнических границ», которые оказываются более или менее оптимальны для «приложения» когнитивных адаптаций. Для того, чтобы ответить на вопрос, какие оказываются более оптимальны, нужно представить себе взаимодействия, сетевые процессы и проч., завязанные на эти категории, а также сделать предположение относительно эволюционной полезности тех или иных интеракций. Скажем, возрастные координаты работают не очень «группирующе», потому что адаптивнее учиться у старших, а вот гендерные уже более группирующие, потому что, в той мере, в какой общество структурируется на основе гендера, существует и гендерное обучение, которое, будучи пройденным, оказывается адаптивным.

Но наиболее группирующими являются границы или категории этнические или этнизированные. Что это такое в данном случае? Моя вновь исходит из определения Чандры, в рамках которого членство в категориях преимущественно наследуется, и «группы» оказываются «межпоколенными ячейками», связанные сходными нормами и целями. Она, однако, делает важную оговорку, что всё больше исследований указывает на то, что выраженность и содержание представления о наследуемости варьируется от контекста к контексту, и скорее это представление надо пробовать объяснять, а не помещать его в основание определения этничности. А в полной мере этнический феномен можно объяснить, «если мы аккуратно проанализируем, как разные культурные черты, социальные связи, кооперативные поведения и чувства принадлежности распределены по индивидам». Проще говоря, есть индивиды, которые находятся в разного рода отношениях друг с другом в самом широком смысле, у них есть некоторые когнитивные «предзаданности», а также представления, впитанные в ходе «многослойной» социализации, и в ходе такого рода интеракции и производятся представления и поведения, которые можно обобщающе назвать группирующими. И, в результате этого, контексты будут различаться в том, что касается характеристик и драйверов этнического разнообразия, а когнитивные механизмы, «ответственные» за его производство, с неизбежностью должны включать возможность освоения фактического социального ландшафта (социальных таксономий, их смыслов и правильного поведения исходя из этого) во всей его полноте (как бы исследователям ни хотелось из социальных категорий выделить специфически этнические). И в этом смысле, пишет Моя, что исследования в условной парадигме минимальных групп — это прежде всего про впитанное и отсылки к впитанному, а не про врожденное.

Но как складываются предзаданности и меняются ли они культурно? Да, более того, эволюция уже поработала над тем, чтобы опре-

деленные типы восприятия и поведения закреплялись в человеческих популяциях. И в результате такой интеракции и сложились те представления, которые — от контекста к контексту — воспроизводятся и предполагают группирующее поведение, идущее рука об руку с межпоколенным воспроизводством норм и представлений об общности, но также и механизмы инкорпорации новых членов. В целом, таким образом Мойя, используя эволюционный функционализм, показала, что эволюционный смысл группирующих установок и поведения может быть разным, что те или иные когнитивные механизмы складывались под влиянием среды, которая «усиливала» и «ослабляла» действие тех или иных адаптаций и когний, отчего последние менялись и, в конечном счёте, с одной стороны, характеристики «этнических» категорий, их смыслы и когнитивные механизмы, задействованные в их определении, могут быть разные от контекста к контексту, но дальше, в свете «соревнования контекстов» определенные когнитивные механизмы закрепляются в культуре (и «впитываются» в ходе ранней социализации), отчего распутать клубок «генетика-культура» оказывается чрезвычайно сложно.

В сухом остатке — в человеке заложены разные когнииции, их заложила эволюция, то есть индивидуальная и коллективная адаптация к разнообразным вызовам среды, в результате чего люди в целом склонны дифференцировать и классифицировать, по результатам чего по-разному относиться к представителям разных — получившихся — категорий, но каким именно будет отношение, как сами люди будут воспринимать природу этих дифференциаций, на основании каких характеристик это будет происходить и что именно с ними надо делать, оказывается в большей степени функцией от распространенных в популяции представлений. И, скажем, цвет кожи, одежда или язык скорее являются типичными дифференцирующими индикаторами, однако ни один из них в чистом виде не заложен генетически. Однако как именно соотносятся между собой разные индикаторы, какие они (обще-эвристические или частные, типа цвета кожи или языка) и как они различаются, как пишет Мойя, — вопрос на данный момент неотвеченный и тема для дальнейших исследований.

Эдуар Машери и Люк Фоше: критика и синтез

Находясь в контексте и «перенимая эстафетную палочку» одна у другой, описанные выше работы по не до конца понятным причинам редко становятся объектом серьезной взаимной критики со стороны их авторов. В результате непроясненным остается соотношение этих теорий между собой. В этой связи важен обзор, который

сначала написали для сборника «Категоризации в когнитивной науке» в 2004 году философы Эдуар Машери (университет Питтсбурга) и Люк Фоше (Квебекский университет в Монреале) а затем актуализировали для второго издания сборника, вышедшего в 2017 году [Machery, Faucher, 2017]. Здесь будут приведены основные аналитические тезисы этого обзора.

Начинают они с утверждения¹⁵, что социальный конструктивизм (они называют его конструкционизм) и когнитивный/эволюционный подход, не противореча друг другу и имея возможность совместно объяснить феномен этничности, редко используются в рамках одной теории. В результате нужна ревизия как способов концептуализации, так и способов объяснения этнических явлений, но помимо этого когнитивно/эволюционная часть потенциальной универсальной теории требует существенной доработки: на их взгляд, существующие гипотезы слишком самонадеянны и универсальны, а хороших эмпирических свидетельств, говорящих в пользу этих гипотез или их опровергающих, наоборот, недостает. Затем следует обзор основных теорий, а в резюме авторы предлагают несколько рамочных соображений относительно того, что, на их взгляд, является фактом, а что напротив остается в разряде гипотез, в каком направлении нужно двигаться и с помощью каких исследований это движение возможно. Как и в этой работе, авторами выделяется четыре блока работ: Хиршфелда, Гил-Уайта, Космидес и Туби, а также Мойя.

Вклад Хиршфелда, согласно авторам, состоит в том, что он предположил наличие эволюционно сложившейся расиализации и заподозрил, что её источником является domain specific когнитивный механизм, ответственный за распознавание животных. Кроме того, его эксперименты указывают на то, что стимулы, которые активируют этот механизм, лингвистические, а не визуальные. Критикуют авторы концепцию Хиршфелда за её надстроечную часть, согласно которой существует специальный «расовый» когнитивный модуль, за отсутствие кросс-культурной компоненты и принятия во внимание социального контекста, а также за слабость экспериментальной базы.

Вклад Космидес и Туби — это концептуализации когниции альянсов и коалиций в качестве «драйвера» распознавания рас, слабостью этой теории, с точки зрения авторов, вновь, является её недостаточная кросс-культурность, но также тот факт, что расы в большинстве не являются коалициями, в связи с чем неясно, почему именно расовые стимулы выделяются мозгом. Важность построений Гил-Уайта признаётся в связи с тем, что он интегрировал существовавшие на тот момент эволюционные объяснения и предложил пол-

¹⁵ Этот их тезис в общих чертах совпадает с тезисом, защищаемым в первой части этой статьи.

ноценную эволюционную теорию, в которой появляется идея нормативности как драйвера структуры коммуникации (люди общаются, снижая издержки, получающиеся кластеры оказываются нормативными и воспроизводящимися межпоколенно, в результате «включается» модуль распознавания животных). В то же время авторы вновь критикуют, во-первых, недостаточную кросс-культурность исследования (автор делает далеко идущие выводы на основании исследования, по сути, одного случая), во-вторых — и здесь критика такая же, как применительно к Хиршфелду — Гил-Уайт, по сути, откидывает не-эссенциализирующие ответы и утверждает, что респонденты, их давшие, на самом деле тоже эссенциалисты.

Все три блока работ, кроме того, критикуются за то, что их авторы фокусируются исключительно на врожденных когнициях, а не на взаимодействии между такими когнициями и факторами среды. Наиболее объясняющими авторы находят работы Мойя. Они соглашались с её критикой исследований «народного эссенциализма», согласно которой в них смешивается разнообразие проверяемых представлений, и, скажем, то, что люди мыслят группистски, не обязательно идёт рука об руку с представлениями о «скрытой эссенции», а последнее — не факт, что обязательно связывается с врожденностью (кроме того, упоминается генерализируемость черт, ин-групповая кооперация, аут-групповая враждебность и проч.). Другим важным тезисом Мойя в интерпретации авторов является то, что «предзаданности» существуют, но скорее речь идёт прежде всего о системах научения, которые позволяют ориентироваться на различные индикаторы «групповой» принадлежности (притом что типы «групп» могут быть разными). И основывается эта система на использующихся в общественных отношениях (и, видимо, в результате отобравшихся эволюционно) индикаторах. Важно, однако, что когнитивная система крайне адаптивна и фактические индикаторы членства не являются «предзаданностями», а берутся из среды. С этими построениями авторы согласны в наибольшей степени, хотя и критикуют Мойю за недостаточно высокие статистические коэффициенты значимости в её исследованиях.

В резюме авторы выделяют ряд тезисов, которые кажутся им важными для продолжения работы в ключе, которому посвящена статья. 1. Рас как естественных типов не существует, равно как не существует и специфического «расиализирующего» когнитивного модуля; 2. Расиализация различается от культуры к культуре, теория расиализации должна осознавать и объяснять эти различия; 3. Везде в мире классифицируют по тем или иным характеристикам внешности, и существует универсальная когнитивная система, эти классификации обеспечивающая; 4. Эта система развивалась эволюционно, и эволюционное объяснение её складывания является важным элементом теории; 5. Нужно уходить от теории психологического

эссенциализма, она отжила своё; 6. Крайне важны народные теории этничности, которые передаются культурно. Их роль в человеческих представлениях значительна; 7. На данном этапе теории амбициозны, а эмпирических свидетельств мало. Нужно чтобы было наоборот; 8. Для этого нужно уделять внимание кросс-культурным исследованиям, а также индивидуальным различиям и факторам, с ними связанным. Авторы, таким образом, не предлагая собственной теории, описывают положение дел на вторую половину 2020-х годов и, с одной стороны, указывают на продвижения, с другой — показывают, что, во-первых, многое ещё непонятно и полностью удовлетворительной теории расиализации нет, во-вторых, что эта теория должна быть объединена с конструкционистскими построениями, для того, чтобы объяснение этнического феномена было всеобъемлющим.

Дискуссия и выводы

Таково современное состояние области, которую можно обозначить как эволюционная когнитивистика. Важность этого направления для междисциплинарной теории этничности велика. Оно «отвечает» за выявление универсальных когнитивных механизмов, которые имеют отношение к производству этнических феноменов, а также за эволюционное объяснение складывания этих механизмов. В этой области, по всей видимости, действительно на данный момент не появилось «финальной версии» ответа на этот вопрос, однако можно говорить о тенденции, в рамках которой жесткие логики, утверждающие наличие «когнитивных модулей», которые «заставляют» человека «видеть этнические группы» уходят в прошлое, уступая место более дифференцированным объяснениям, в которых говорится о том, что существует много механизмов, которые «запускаются» в ответ на разные стимулы и производят различные реакции.

Проще говоря, иногда человек дифференцирует, чтобы учиться, иногда — чтобы обеспечить безопасность, что в обоих случаях связано с дифференциацией, однако и дифференциация эта разного характера, и спонтанные стимулы, которые вызывают эту дифференциацию относятся к разным типам, и поведенческие «выводы» из этой дифференциации разные. Более того, к чему человек универсально хорошо приспособлен, так это к тому, чтобы, в целом, дифференцировать, эффективно «впитывая» из среды признаки, которые с большей или меньшей вероятностью будут указывать на некоторый тип ожидаемого последствия. Социальные маркеры, на основании которых следует дифференцировать и «правильные» реакции на них, впитываются в достаточно раннем возрасте.

В результате значительная часть ранней литературы, которая фокусировалась на «врожденности» считывания «рас», поскольку исследования чаще всего происходили в контексте, где раса является важнейшим дифференцирующим социальным конструктом, принимала средовые характеристики за «предзаданности», притом что именно факторы среды, локальные конструкции этничности являются значительно более определяющим в том, что касается воспроизводящихся паттернов группировки и осмысления этнических категорий.

В этой ситуации встает вопрос о возможности выделения специфически этнических феноменов из всего разнообразия стимулов, схем и реакций. И, на первый взгляд, этничность за отсутствием четкой её когнитивной основы, снова «ускользает». Но, если говорить языком Мойя, некоторые типы стимулов стабильно вызывают более «группирующие» реакции, и, пусть эти стимулы и реакции в значительной степени определяются культурой, врожденная когнитивная база для таких реакций существует. Понять и описать её — важная задача для объяснения феномена этничности, притом что, как следует из описанного выше, этничность и в когнитивном смысле — разная, и ещё более разной её делает многослойная культурная составляющая, объясняющая её характеристики в каждой локации. Иными словами, этничность продолжает «ускользать», а исследователи продолжают пытаться её поймать, притом что и здесь это оказывается всё сложнее. Но нужно ли это делать? И не нужно ли переопределить задачу «понять феномен этничности» как «полностью объяснить это явление через другие явления»? Это вопрос на перспективу.

Если вернуться к когнитивному повороту, результаты, описанные выше, говорят о том, что «ответственность» социальных учёных в объяснении этничности оказывается ещё больше. Социологи-конструктивисты, которые работают с вернакулярным аспектом этничности, с тем, в каких неформальных категориях люди живут на самом деле, как они эти категории осмысляют, а также как они в принципе понимают природу этнических различий, оказываются «на передовой» современных исследований этничности. Однако для того, чтобы их работа была более эффективна, им нужно окончательно порвать со старыми онтологиями, в рамках которых объектом исследования являются этнические группы и перейти к изучению этничности как перманентно осуществляемых категоризаций. И эволюционная когнитивистика является важным ресурсом для того, чтобы усилить этот подход за счёт понимания того, какие задачи по дифференциации стояли перед человеком на протяжении существования вида и ещё раньше.

В поле ответа на вопрос, как и почему человек категоризирует других людей и с какими последствиями, и лежит объяснение этничности «после когнитивного поворота». Важно, что и социальным

наукам «есть, что предложить» когнитивным учёным. Авторы описанных работ, утверждая, что ни рас, ни специальной когнитивной машинерии, считывающей расы, не существует, продолжают заниматься расами, расиализацией и обработкой мозгом расовых стимулов. Конструктивистские же исследования последнего времени эксплицитно [Брубейкер, 2012; Wimmer, 2013; Варшавер, 2023] приходят к тому, что существуют этнические категоризации, в рамках которых в качестве «ключа», то есть наименования важнейшей совокупности категорий, используются такие слова как «раса», «народ», «национальность» и проч. Эти «ключи» различаются от контекста к контексту и имеют собственный смысл, который играет важную роль в формировании социальной реальности. Эти понимания могли бы обогатить поле когнитивных исследований этничности. Кроме того, в той мере, в какой когнитивисты всё больше убеждаются в том, что средовые характеристики являются ключевым фактором, определяющим характеристики этнической реальности и поведения людей в связи с ней, на первый план выходит изучение вернакулярных представлений об этничности, их детерминант и последствий, для чего социальные науки могут предложить более оптимальные инструменты [Варшавер, Орлова, Шульга, 2023]. Где-то в этом поле видится потенциал для междисциплинарного взаимодействия в рамках проекта по пониманию явления этничности в целом.

Литература

1. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
2. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
3. Брубейкер, Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
4. Варшавер, Е.А. «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 31–58. DOI: 10.17323/1728-192X-2022-3-31-58.
5. Варшавер, Е.А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 377–396. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396.
6. Варшавер, Е.А., Орлова, А.А., Шульга, А.Е. Документарный конструктивизм как особая форма конструктивистской народной социологии: свидетельства из Дагестана // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 156–177. DOI: 10.31857/So869541523060106.
7. Кудрин, А.В. Об основных подходах к пониманию этничности как категории общественных наук // Россия: социально-экономические и правовые проблемы трансформации общества / общ. ред. и сост. А.В. Кудрина. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. С. 287–300.

8. Нампруева, Л.В. Межэтнические семьи калмыков и корейцев: выбор этнической идентичности // *Корееведение в России: направление и развитие*. 2022. Т. 3. № 3. С. 43–48. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhetnicheskie-semi-kalmykov-i-koreytsev-vybor-etnicheskoy-identichnosti/viewer> [Дата обращения] 08.01.2024.
9. Омелаенко, Н.В. Теоретические парадигмы этничности // *Известия вузов. Социология. Экономика. Политика*. 2015. № 2. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-paradigmy-etnichnosti/viewer> [Дата обращения] 08.01.2024.
10. Паун, Э.А. Конструктивизм и примордиализм: взаимодополняющие методологии в этнологии и социологии // *Общественные науки и современность*. 2023. № 4. С. 53–67. DOI: 10.31857/So869049923040032.
11. Тишков, В.А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву // *Этнография*. 2023. Т. 19. № 1. С. 6–25. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25.
12. Хенрик, Дж. Самые странные в мире. Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели / пер. с англ. А. Свистуновой и В. Федюшина. М.: Альпина нон-фикшн, 2023.
13. Brubaker, R. The Return of Biology // Suzuki K., Von Vacano D.A. (eds.) *Reconsidering Race: Social Science Perspectives on Racial Categories in the Age of Genomics*. New York, NY: Oxford University Press, 2018. P. 62–100. DOI: 10.1093/oso/9780190465285.001.0001.
14. Brubaker, R., Loveman, M., Stamatov, P. Ethnicity as Cognition // *Theory and society*. 2004. Vol. 33. No. 1. P. 31–64. DOI: 10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63.
15. Chandra, K. (ed.) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York, NY: Oxford University Press, 2012.
16. Cosmides, L., Tooby, J., Kurzban, R. Perceptions of Race // *Trends in Cognitive Sciences*. 2003. Vol. 7. No. 4. P. 173–179. DOI: 10.1016/S1364-6613(03)00057-3.
17. Derry, S.J., Gernsbacher, M.A., Schunn, C. D. (eds.) *Interdisciplinary Collaboration: An Emerging Cognitive Science*. New York, NY: Psychology Press, 2014. DOI: 10.4324/9781410613073.
18. Foley, W.A. Do Humans Have Innate Mental Structures? Some Arguments from Linguistics // McKinnon S., Silverman (eds.) *Complexities: Beyond Nature and Nurture*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2005. P. 43–63.
19. Frith, U. Are There Innate Mechanisms That Make Us Social Beings // Battro, A. M., Dehaenem S., Sorondo, M. S., Singer, W. J. (eds.) *Neurosciences and the Human Person: New Perspectives on Human Activities*. Vatican City: The Pontifical Academy of Sciences, 2013. P. 215–237.
20. Gil-White F.J. How Thick Is Blood? The Plot Thickens...: If Ethnic Actors Are Primordialists, What Remains of the Circumstantialist/Primordialist Controversy? // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. No. 5. P. 789–820. DOI: 10.1080/014198799329260.
21. Gil-White, F.J. Are Ethnic Groups Biological «Species» to the Human Brain? Essentialism in Our Cognition of Some Social Categories // *Current Anthropology*. 2001. Vol. 42. No. 4. P. 515–553. DOI: 10.1086/321802.
22. Gil-White, F.J. The Cognition of Ethnicity: Native Category Systems Under the Field Experimental Microscope // *Field Methods*. 2002. Vol. 14. No. 2. P. 161–189. DOI: 10.1177/1525822X02014002003.
23. Goodenow, C., Espin, O.M. Identity Choices in Immigrant Adolescent females // *Adolescence*. 1993. Vol. 28. No. 109. P. 173–184.
24. Graves, J. L. *The Emperor's New Clothes: Biological Theories of Race at the Millennium*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2003.
25. Hale, H.E. Explaining Ethnicity // *Comparative Political Studies*. 2004. Vol. 37. No. 4. P. 458–485. DOI: 10.1177/0010414003262906.

26. Harnad, S. To Cognize is to Categorize: Cognition is Categorization // Cohen H., Lefebvre C. (eds.) Handbook of Categorization in Cognitive Science. San Diego: Elsevier Science, 2017. P. 20–45. DOI: 10.1016/B978-0-08-101107-2.00002-6.
27. Hirschfeld, L.A. Do Children Have a Theory of Race? // Cognition. 1995. Vol. 54. No. 2. P. 209–252. DOI: 10.1016/0010-0277(95)91425-r.
28. Hirschfeld, L.A. Race in the Making: Cognition, Culture, and the Child's Construction of Human Kinds. Cambridge; London: MIT Press, 1996.
29. Hirschfeld, L.A. On a Folk Theory of Society: Children, Evolution, and Mental Representations of Social Groups // Personality and Social Psychology Review. 2003. Vol. 5. No. 2. P. 107–117. DOI: 10.1207/S15327957PSPRO502_2.
30. Kurzban, R., Tooby, J., Cosmides, L. Can Race Be Erased? Coalitional Computation and Social Categorization // Psychological and Cognitive Sciences. 2001. Vol. 98. No. 26. P. 15387–15392. DOI: 10.1073/pnas.251541498.
31. Marks, J., Relethford, J.H. Human Biodiversity: Genes, Races, and History // Human Biology. 1997. Vol. 69. No. 1. P. 131–133.
32. Machery, E., Faucher, L. Why Do We Think Racially? Culture, Evolution, and Cognition // Cohen H., Lefebvre C. (eds.) Handbook of Categorization in Cognitive Science. San Diego: Elsevier Science, 2017. P. 1135–1175. DOI: 10.1016/B978-0-08-101107-2.00046-4.
33. Miller, G.A. The Cognitive Revolution: a Historical Perspective // Trends in Cognitive Sciences. 2003. Vol. 7. No. 3. P. 141–144. DOI: 10.1016/S1364-6613(03)00029-9.
34. Moya, C. What Does It Mean for Humans to Be Groupish? // Philosophy Compass. 2023. Vol. 18. No. 2: e12893. DOI: 10.1111/phc3.12893.
35. Moya, C., Boyd, R. The Evolution and Development of Inferential Reasoning about Ethnic Markers: Comparisons Between Urban United States and Rural Highland Peru // Current Anthropology. 2016. Vol. 57. No. S13. P. 131–144. DOI: 10.1086/685939.
36. Moya, C., Henrich, J. Culture-Gene Coevolutionary Psychology: Cultural Learning, Language, and Ethnic Psychology // Current Opinion in Psychology. 2016. No. 8. P. 112–118. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.10.001.
37. Pietraszewski, D., Cosmides, L., Tooby, J. The Content of Our Cooperation, not the Color of Our Skin: an Alliance Detection System Regulates Categorization by Coalition and Race, but not Sex // PloS One. 2014. Vol. 9. No. 2: e88534. DOI: 10.1371/journal.pone.0088534.
38. Rothbart, M., Taylor, M. Category Labels and Social Reality: Do We View Social Categories as Natural Kinds? // Semin, G.R., Fiedler, K. Language, Interaction and Social Cognition. London; Newbury Park, Calif.: SAGE, 1992. P. 11–36.
39. Smith, A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell Publishing, 1986.
40. Sobel, C. P., Li P. The Cognitive Sciences: An Interdisciplinary Approach. Washington, DC: SAGE, 2013. DOI: 10.4135/9781544308562.
41. Torres, S. Ethnicity and Race: From Essentialism to Constructionism // Torres S. (ed.) Ethnicity and Old Age. Bristol: Policy Press, 2019. P. 51–78. DOI: 10.51952/9781447328148.ch003.
42. Van den Berghe, P. The Ethnic Phenomenon. New York, NY: Bloomsbury Publishing, 1987.
43. Wertz, A. E., Moya C. Pathways to Cognitive Design // Behavioural Processes. 2019. Vol. 161. P. 73–86. DOI: 10.1016/j.beproc.2018.05.013.
44. Wimmer, A. Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks. New York, NY: Oxford University Press, 2013.

Evgeni Varshaver

Evolutionary Cognitive Science as a Resource for Explaining Ethnic Phenomena 'After the Cognitive Turn'

Evgeni A. Varshaver — Cand. Sci. (Soc.), Head of the group for Ethnicity and Migration Research; Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies in Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. **ORCID ID:** 0000-0002-5901-8470. **E-mail:** varshavere@gmail.com.

Abstract: The article provides an overview of the current state of research in a field that can be defined as «evolutionary cognitive science». Positioned at the intersection of cognitive science, contemporary evolutionary theory, and developmental psychology, researchers in this field have long endeavored to identify universal cognitive biases that underlie the production of ethnic phenomena. However, in the most recent iteration, such universality primarily lies in humans' capacity to navigate complex social relationships through indirect cues, with specific traits and responses being derivative of socialization. These findings are situated within the context of contemporary constructivist approaches to ethnic studies, wherein a «cognitive turn» is occurring, according to which ethnicity is a classificatory phenomenon, demonstrating how the incorporation of insights from the field of evolutionary cognitive science can contribute to a comprehensive understanding of the phenomenon of ethnicity as a whole.

Keywords: ethnicity, cognitive science, evolutionary theory, primordialism, constructivism, cognitive turn

References

1. Berger, P., Luckmann, T. (1995) *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)
2. Bromley, Y.V. (1983) *Sketches on the Theory of Ethnos*. Moscow: Science.
3. Brubaker, R. (2012) *Ethnicity Without Groups*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.)
4. Brubaker, R. (2018) The Return of Biology. In: Suzuki K., Von Vacano D.A. (eds.) *Reconsidering Race: Social Science Perspectives on Racial Categories in the Age of Genomics*. New York, NY: Oxford University Press. P. 62–100. DOI: 10.1093/oso/9780190465285.001.0001.
5. Brubaker, R., Loveman, M., Stamatov, P. (2004) Ethnicity as Cognition. *Theory and society*. Vol. 33. No. 1. P. 31–64. DOI: 10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63.
6. Chandra, K. (ed.) (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York, NY: Oxford University Press.
7. Cosmides, L., Tooby, J., Kurzban, R. (2003) Perceptions of Race. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. No. 4. P. 173–179. DOI: 10.1016/S1364-6613(03)00057-3.
8. Derry, S.J., Gernsbacher, M.A., Schunn, C.D. (eds.) (2014) *Interdisciplinary Collaboration: An Emerging Cognitive Science*. New York, NY: Psychology Press. DOI: 10.4324/9781410613073.

9. Foley, W.A. (2005) Do Humans Have Innate Mental Structures? Some Arguments from Linguistics. In: McKinnon S., Silverman (eds.) *Complexities: Beyond Nature and Nurture*. Chicago; London: University of Chicago Press. P. 43–63.
10. Frith, U. (2013) Are There Innate Mechanisms That Make Us Social Beings. In: Battro, A. M., Dehaenem S., Sorondo, M. S., Singer, W. J. (eds.) *Neurosciences and the Human Person: New Perspectives on Human Activities*. Vatican City: The Pontifical Academy of Sciences. P. 215–237.
11. Gil-Whitem F.J. (1999) How Thick Is Blood? The Plot Thickens...: If Ethnic Actors Are Primordialists, What Remains of the Circumstantialist/Primordialist Controversy? *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 22. No. 5. P. 789–820. DOI: 10.1080/014198799329260.
12. Gil-White, F.J. (2001) Are Ethnic Groups Biological «Species» to the Human Brain? Essentialism in Our Cognition of Some Social Categories. *Current Anthropology*. Vol. 42. No. 4. P. 515–553. DOI: 10.1086/321802.
13. Gil-White, F.J. (2002) The Cognition of Ethnicity: Native Category Systems Under the Field Experimental Microscope. *Field Methods*. Vol. 14. No. 2. P. 161–189. DOI: 10.1177/1525822X02014002003.
14. Goodenow, C., Espin, O.M. (1993) Identity Choices in Immigrant Adolescent females. *Adolescence*. Vol. 28. No. 109. P. 173–184.
15. Graves, J.L. (2003) *The Emperor's New Clothes: Biological Theories of Race at the Millennium*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press.
16. Hale, H. E. (2004) Explaining Ethnicity. *Comparative Political Studies*. Vol. 37. No. 4. P. 458–485. DOI: 10.1177/0010414003262906.
17. Harnad, S. (2017) To Cognize is to Categorize: Cognition is Categorization. In: Cohen H., Lefebvre C. (eds.) *Handbook of Categorization in Cognitive Science*. San Diego: Elsevier Science. P. 20–45. DOI: 10.1016/B978-0-08-101107-2.00002-6.
18. Henrich, J. (2023) *The Weirdest People in the World. How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous*. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2023. (In Russ.)
19. Hirschfeld, L.A. (1995) Do Children Have a Theory of Race? *Cognition*. Vol. 54. No. 2. P. 209–252. DOI: 10.1016/0010-0277(95)91425-r.
20. Hirschfeld, L.A. (1996) *Race in the Making: Cognition, Culture, and the Child's Construction of Human Kinds*. Cambridge; London: MIT Press.
21. Hirschfeld, L.A. (2003) On a Folk Theory of Society: Children, Evolution, and Mental Representations of Social Groups. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 5. No. 2. P. 107–117. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0502_2.
22. Kudrin, A.V. (2000) On the Main Approaches to Understanding Ethnicity as a Category of Social Sciences. In: Kudrin A.V. (ed.) *Russia: Socio-Economic and Legal Problems of Transformation of Society*. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta. P. 287–300. (In Russ.)
23. Kurzban, R., Tooby, J., Cosmides, L. (2001) Can Race Be Erased? Coalitional Computation and Social Categorization. *Psychological and Cognitive Sciences*. Vol. 98. No. 26. P. 15387–15392. DOI: 10.1073/pnas.251541498.
24. Marks, J., Relethford, J.H. (1997) Human Biodiversity: Genes, Races, and History. *Human Biology*. Vol. 69. No. 1. P. 131–133.
25. Machery, E., Faucher, L. (2017) Why Do We Think Racially? Culture, Evolution, and Cognition. In: Cohen H., Lefebvre C. (eds.) *Handbook of Categorization in Cognitive Science*. San Diego: Elsevier Science. P. 1135–1175. DOI: 10.1016/B978-0-08-101107-2.00046-4.
26. Miller, G.A. (2003) The Cognitive Revolution: a Historical Perspective. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. No. 3. P. 141–144. DOI: 10.1016/S1364-6613(03)00029-9.
27. Moya, C. (2023) What Does It Mean for Humans to Be Groupish? *Philosophy Compass*. Vol. 18. No. 2: e12893. DOI: 10.1111/phc3.12893.

28. Moya, C., Boyd, R. (2016) The Evolution and Development of Inferential Reasoning about Ethnic Markers: Comparisons Between Urban United States and Rural Highland Peru. *Current Anthropology*. Vol. 57. No. S13. P. 131–144. DOI: 10.1086/685939.
29. Moya, C., Henrich, J. (2016) Culture-Gene Coevolutionary Psychology: Cultural Learning, Language, and Ethnic Psychology. *Current Opinion in Psychology*. No. 8. P. 112–118. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.10.001.
30. Namrueva, L.V. (2022) Interethnic Families of Kalmyks and Koreans: The Choice of Ethnic Identity. *The Journal of Direction and Development of Korean Studies in Russia*. Vol. 3. No. 3. P. 43–48. С. 43–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhetnicheskie-semi-kalmykov-i-koreytsev-vybor-etnicheskoy-identichnosti/viewer> (accessed: 08.01.2024). (In Russ.)
31. Pain, E. (2023) Constructivism and Primordialism: Complementary Methodologies in Ethnology and Sociology. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 4. P. 53–67. <https://doi.org/10.31857/So869049923040032>. (In Russ.)
32. Pietraszewski, D., Cosmides, L., Tooby, J. (2014) The Content of Our Cooperation, not the Color of Our Skin: an Alliance Detection System Regulates Categorization by Coalition and Race, but not Sex. *PLoS One*. Vol. 9. No. 2: e88534. DOI: 10.1371/journal.pone.0088534.
33. Rothbart, M., Taylor, M. (1992) Category Labels and Social Reality: Do We View Social Categories as Natural Kinds? In: Semin, G.R., Fiedler, K. *Language, Interaction and Social Cognition*. London; Newbury Park, Calif.: SAGE. P. 11–36.
34. Smith, A.D. (1986) *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell Publishing.
35. Sobel, C.P., Li P. (2013) *The Cognitive Sciences: An Interdisciplinary Approach*. Washington, DC: SAGE. DOI: 10.4135/9781544308562.
36. Tishkov, V. (2023) On Reconciling Constructivism and Primordialism: Tribute to Andrei Vladimirovich Golovnev. *Etnografika*. Vol. 19. No. 1. P. 6–25. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25. (In Russ.)
37. Torres, S. (2019) Ethnicity and Race: From Essentialism to Constructionism. In: Torres S. (ed.) *Ethnicity and Old Age*. Bristol: Policy Press. P. 51–78. DOI: 10.51952/9781447328148.ch003.
38. Van den Berghe, P. (1987) *The Ethnic Phenomenon*. New York, NY: Bloomsbury Publishing.
39. Varshaver, E. (2022) «Stop Beating the Dead Primordial Horse»: Actual Agendas in Constructivist Research of Ethnicity. *Russian Sociological Review*. Vol. 21. No. 3. P. 31–58. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-31-58. (In Russ.)
40. Varshaver, E.A. (2023) Integration of Migrants Through the Lens of a Constructivist Approach to Ethnicity. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 25. No. 2. P. 377–396. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396. (In Russ.)
41. Varshaver, E.A., Orlova, A.A., Shulga, A.E. (2023) Documentary Constructivism as a Special Form of Constructivist Folk Sociology: Evidence from Dagestan. *Etnograficheskoe Obozrenie*. No. 6. P. 156–177. DOI: 10.31857/So869541523060106. (In Russ.)
42. Wertz, A.E., Moya C. (2019) Pathways to Cognitive Design. *Behavioural Processes*. Vol. 161. P. 73–86. DOI: 10.1016/j.beproc.2018.05.013.
43. Wimmer, A. (2013) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. New York, NY: Oxford University Press.